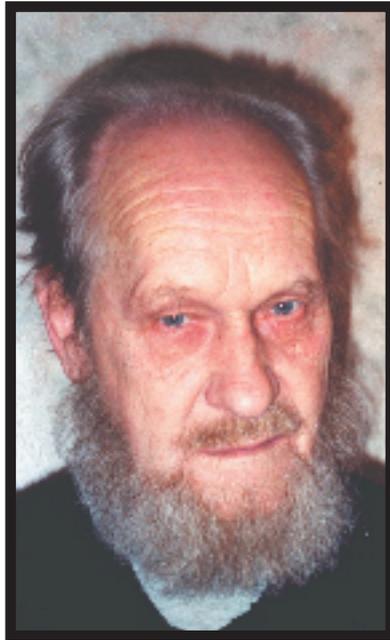

Ярослав Игоревич Старобогатов
(1932–2004)
Yaroslav I. Starobogatov

Я.И. Старобогатов – учитель, коллега, друг

Трудно поверить в то, что Ярослава Игоревича Старобогатова уже нет. Для меня он был не только коллегой, но и учителем, а в последнее десятилетие и, в какой-то степени, другом. Вспоминается наша первая встреча. Это было еще в 1967 г. В то время я жил в Калининe (ныне Тверь) и учился в 10-м классе средней школы. За год до этого увлекся пресноводными моллюсками и в летние каникулы в верховьях Волги собрал вполне приличную коллекцию. Попытался ее определить, используя

известную монографию В.И. Жадина 1952 г. По сборам написал свою первую статью (она так и не была опубликована), а ближе к зиме решил съездить на один день в Ленинград, чтобы получить консультации у специалистов. В ЗИНе мне посчастливилось познакомиться с А.Ф. Алимовым, который впоследствии стал моим научным руководителем, и с Я.И. Старобогатовым. Когда я вошел в кабинет к Ярославу Игоревичу, тот был чем-то занят. Однако, узнав о цели моего визита, он моментально отложил

дела в сторону и «провозился» со мной до вечера.

Вторая встреча произошла почти через год, когда я, будучи студентом 1 курса Калининского университета, приехал на Всесоюзное совещание по моллюскам. Среди участников этого совещания было много маститых ученых, в том числе сам В.И. Жадин. На всю жизнь запомнилась одна деталь. Ярослав Игоревич и двое его коллег сидели в президиуме, при этом многие докладчики часто по ходу доклада обращались за разными справками исключительно к Ярославу Игоревичу и, конечно, получали исчерпывающие ответы. Ярослав Игоревич в то время смотрелся очень молодо, но он уже был признанным лидером. Энциклопедический же характер его знаний просто потрясал.

На совещании обсуждали не только научные вопросы, но и этические. Один из отечественных малакологов переправлял типовые экземпляры новых видов, обнаруженных им на территории Советского Союза, за границу. Ярослав Игоревич предложил включить в резолюцию совещания пункт, осуждающий подобную практику. Завязалась жесткая дискуссия. Достаточно сказать, что В.И. Жадин был против этого предложения. Ярославу Игоревичу пришлось несколько раз брать слово и, на мой взгляд, вполне убедительно доказывать свою правоту. При голосовании со значительным преимуществом прошло предложение Я.И. Старобогатова.

Хотя обе мои диссертации – кандидатская и докторская были посвящены экологии речных сообществ, юношеское увлечение моллюсками, благодаря Ярославу Игоревичу, не пропало.

Переехав на Дальний Восток, я продолжал собирать ракушки и привозить их в Ленинград. Материала набралось много, поэтому у нас с моим московским другом Мишей Затравкиным, который, ко всему прочему, также занимался дальневосточными видами, возникла идея написать определитель по пресноводным моллюскам Дальнего Востока. Ярослав Игоревич эту идею горячо поддержал и всячески помогал ее реализации. Как-то Михаил дал мне на просмотр подготовленную им определительную таблицу. Один из примененных параметров показался мне неверным, но Миша категорически отказался его заменить. Все мои суперлогичные доводы разбивались о сверхдовод Михаила: «Так сказал Старобогатов!».

Запомнился пятидесятилетний юбилей Ярослава Игоревича. Его справляли с некоторым запозданием – в конце года. В одной из полуподвальных аудиторий ЗИНа собралось много народу. Столы ломились от еды и безалкогольных напитков (более крепкие находились под столом, ведь это был период горбачевской борьбы с пьянством). Ожидался приход руководства института – директора О.А. Скарлато и секретаря партийной организации А.Ф.Алимова. Как-то непривычно было поздравлять юбиляра без шампанского. Не помню, как из этой ситуации вышел Орест Александрович, но Александр Федорович не растерялся. Он взял из тарелки в правую руку мясную котлету, поднял ее вверх вместо бокала и начал свое приветствие словами: «Я хочу куснуть эту котлету за нашего юбиляра...!»

Узнав о кончине Ярослава Игоревича, я нашел в своем домашнем архиве

его письма. В них он живой, деловой и немного ироничный. Таким его знали многие. Вот одно из них:

«Ленинград 18 октября 1986 г.

Дорогой Витя!

Спасибо за письмо. Очень рад, что нашлось много нового. Я это в какой-то мере ожидал. Кстати, сравнил новую Дауринайу из Комиссаровки – это, бесспорно, новый вид.

Мне интуитивно очень не нравится, что ты предлагаешь объединить Булдовския и Анемина. Гораздо более было бы понятно или считать их и Синанодонта 3 отдельными родами или же 3 подродами одного рода. Впрочем, все доказательства я уже приводил, и ничего нового у меня нет.

Очень важно собрать глохидии... Пока по дальневосточным унионидам есть лишь фрагментарные данные (обе Кристари, одна или две Булдовския, одна Синанодонта, одна Берингиана, одна Кунаширия (по литературе м.б. обе) одна Нодулярия). Главное, что глохидии во многом эволюционировали сами по себе в связи со своими адаптивными надобностями. Так их можно разделить на паррейзиидные, унионидные и анодонтидные, и такие есть в каждом семейственнадсемейства. Исключение – своеобразные (2 типа) глохидии высших лампсид. Но у них и выводковые камеры устроены по-особому...

Ну а я пока завален делами. Помимо своих – пропасть навязанных начальством. Очевидно должность гл. научн. сотр. – это советский вариант должности ученого еврея при губернаторе! Ну что поделаешь – такова уж судьба! В 12 номере Зоол. журн. выходит моя статья по системе ракообразных.

С самым сердечным приветом

Я. Старобогатов»

Как-то в 1988 г. я послал Ярославу Игоревичу письмо, в котором выражал сомнение в принадлежности одной из сахалинских беззубок к роду *Beringiana*, и при этом на адресе вместо фами-

лии Старобогатова по ошибке написал свою, чем вызвал немало шуток в Зоологическом институте. Ответ пришел незамедлительно.

«Ленинград 18 IX 88.

Дорогой Витя!

16 IX я вернулся из отпуска и нашел твое письмо с несколько странным адресом (конверт прилагаю).

Насчет сходства *Beringiana taranetzi* и *Arsenievinaia zimini* думаю, что оно ничего не значит. Совпадения видов разных родов иногда встречаются. Даже у гастропод (где компараторный метод позволяет сравнить сразу все параметры). Такое бывает. Так *Lymnaea glabra* и *Aenigmomphiscola uvallievae*) совпадают по всем оборотам...»

Интересно, что через много лет (в 2002 г.) Е.М. Саенко и мной в Зоологическом журнале была опубликована статья, в которой *Beringiana taranetzi* все-таки была переведена в род *Arsenievinaia*. Ярослав Игоревич не только с этим согласился, но и стал соавтором следующей нашей статьи о систематическом положении рода *Kunashiria*, благодаря которой название *Arsenievinaia* стало младшим синонимом *Kunashiria*.

Письма Ярослава Игоревича часто содержали просьбы о помощи другим зоологам.

«7 VIII 89 г.

Дорогой Витя!

Закончил вчерне (осталось только перепечатать) статью по *Acroloxus* и сразу же спешу послать тебе выдержки из нее по дальневосточным видам...

Я посоветовал одному парню из ГЕЛАНА обратиться к тебе с просьбой зафиксировать в формалине зеленых дождевых червей (это род *Drawida*). Обычно местные удочки знают, где их набрать. Этот парень Сережа Спиридонов занимается нематодами – паразитами беспозвоночных (в видах *Drawida* нашелся очень

интересный комплекс паразитов), а, кроме того (как бы контрабандой), занимается волосатиками (они почему-то не причислены к лику гельминтов). Очень прошу тебя помочь ему в его занятиях сбором материала...»

В начале 90-х годов мы с Ярославом Игоревичем решили сделать совместную работу, которая была посвящена дальневосточным корбикулам. Вот, что по этому поводу написал Старобогатов, не забыв рассказать о своих новых идеях и некоторых других новостях.

«29 IV 94 СПб

Дорогой Витя!

Статья про амурских корбикул мне очень понравилась. Я внес лишь небольшие исправления в определительную таблицу...

Теперь насчет *C. lindholmi* из Манчжурии (Чань-Чунь). Я этот материал смотрел несчетное число раз. Сначала я пытался отличить ее от *C. lindholmi* из Суйфуна – не вышло. Потом я решил, что этикетка ошибочна (для этого были основания: другой экземпляр *C. lindholmi* в нашей коллекции имеет этикетку «Палестина»). Однако когда выяснилось, что в верхней Сунгари имеется ряд видов общих с Ляохе и Суйфуном, но отсутствующих в Амуре, я поверил, что это *C. lindholmi*. Не помню, есть ли в ЗИНе американские *Corbicula*, но ясно, что сюда вселились несколько азиатских видов, причем ни один из них не *C. fluminea*. Clement – сукин сын – я его принимал в ЗИНе, а он не удосужился прислать мне оттиск 7-страничной статьи 1989 г.

Еще один важный вопрос о *Corbicula*. Какой-то японец (имя не помню) опубликовал в *Venus* (а может быть еще раньше до европеизации журнала в «Кайруйгаку дзасси винасу») статью, в которой делит корбикул на 3 группы: 1) с пелагической личинкой, солоноватоводные; 2) с прямым развитием донных яиц и 3) с вынашиванием яиц в мантийной полости (две послед-

ние группы пресноводные). Я эту статью не могу найти – для этого надо просмотреть сотню метров микрофильмов. А между тем она очень важна для систематики корбикул, ибо группа 3) – *Corbiculina* Dall, 1903; группа 2) – *Corbicula* Muhfeld, 1811, а группа 1) или не имеет названия или, оно есть в разыскиваемой статье...

Очень рад тебя буду видеть в Питере. С *Beringiana* и другими дальневосточными беззубками я не возился. Я увлекся идеей ввести в компьютер профиль двустворки, чтобы он определил постоянный угол и начальный радиус-вектор (от полярного центра и точки начала кривой). После этого можно приспособить машину для определения двустворок. Первые очень обнадеживающие результаты уже есть, но нужно серьезно совершенствовать программу.

Очень могучая статья получилась насчет *Cochlicopa*. Во-первых, в Европе их оказалось не 4, а много больше (9). Во-вторых, в Ср. Азии, на Камчатке, в Приморье и на Ю. Курилах оказались свои виды (из европейских туда доходит только *C. lubricella* – в Тернее и на Камчатке). В Японии тоже свои, а в Китае – особый подрод (или род – без анатомии сказать нельзя). Сейчас заканчиваю набивку этой статьи на дискету.

Еще вожусь с каспийскими гастроподами (получили на них грант от РФ биоразнообразия).

Вот так-то и живу. Институт, к счастью, регулярно платит зарплату, а ради гранта м.б. удастся съездить на Каспий. Пока Таня Ситникова мне сделала анатомию 14 пиртулид, и я на радостях за сегодняшний день написал статью для Зоожурнала.

Самые сердечные приветы тебе и всем знакомым.

Я. Старобогатов»

А вот еще одно письмо, которое было отправлено в середине 90-х гг.:

«Дорогой Виктор!

Хочу поделиться с тобой интересными соображениями.

Надежные характеристики раковин гастропод можно получить, лишь сочетая линейные размеры с углом поворота. При этом обычно угол выражают не в градусах, а в числе оборотов, или половинок оборотов (т.е. в 360° или 180°). А вот у двустворчатое такое не применялось, хотя по аналогии с гастроподами можно думать, что такие характеристики важны. Я предлагаю следующее.

Проводим 2 касательные (Рис.1)

1. в начальной точке фронтального сечения – кас-н (или tl-i)

2. в конечной точке фронтального сечения – кас-к (или tl-t)

Угол между ними (выраженный в долях оборота) – то, что нам нужно. Для удобства измерения можно провести еще 1–3 касательные кас-90 (tl-90) перпендикулярно к кас-н; кас-180 (tl-180) – перпендикулярно к кас-90 (или параллельно кас-н) и (если нужно) кас-270 (tl-270). Тогда легко измерить угол поворота. Там на схеме он равен $180^\circ + 18^\circ = 198^\circ = 0,56$ об (Рис. 1).

Этот метод, конечно, не точный (да при подсчете числа оборотов у гастропод большой точности нет), но может оказаться полезным. Например: выпуклость створки при 0,5 оборота образующей кривой равна тому-то.

Над этим еще стоит подумать...

С сердечным приветом

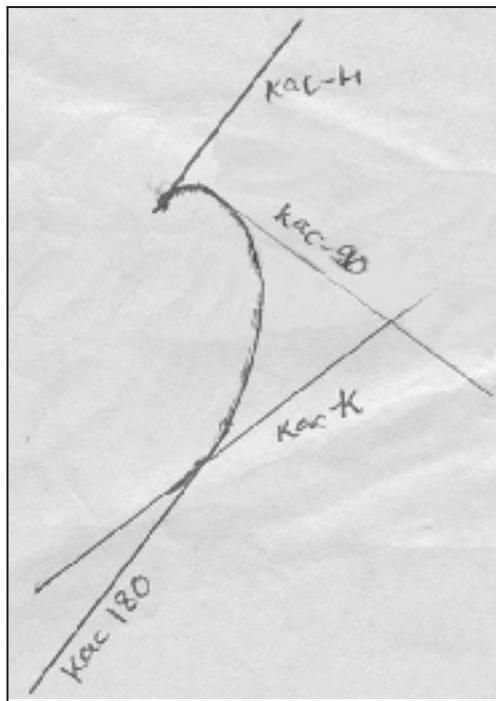
Я. Старобогатов»

Вскоре Ярослав Игоревич серьезно заболел. Приведу выдержки из новогодней открытки того недавнего периода:

«Дрогой Витя!

Поздравляю с Новым Годом и шлю самые лучшие пожелания и, прежде всего, доброго здоровья!

С нетерпением жду твоего приезда. Подобрался материал: *Beringiana* с Индигирки, но не та, что «пропала», а два других – спиртовых, т.е. с телом; *Dahurinaia* с Сахалина (Тынь-Поронайская депрессия) очень похожие на *Ptychorhynchus* (*Dahurinaia* с Сахалина были исходно отнесены к

Собственноручный рисунок Я.И. Старобогатова, поясняющий его идею определения линейных характеристик фронтального сечения раковин двустворчатых моллюсков по аналогии с раковинами брюхоногих.

Ptychorhynchus) и вроде бы непохожие на жадинскую *Margaritifera sachalinensis*...

Все материалы, кроме индигирских, передал мне Слава Лабай. Я тут оказался его руководителем: он привез готовую кандидатскую диссертацию по *Malacostaca* пресных и солоноватых вод Сахалина и просил меня быть руководителем. Т.к. работа вполне готова, то вскоре он успешно защитился...

Вот так и живу. После операции и 4 месяцев на больничном вроде бы оправился. Одна беда – после операции стала трястись правая рука – испортился (и почему-то изменился) почерк и стало трудно рисовать.

С сердечным приветом

Я. Старобогатов»

В последние годы здоровье не позволяло Ярославу Игоревичу эффективно работать с микроскопом и самостоятельно выполнять рисунки моллюсков. В ЗИНе он практически остался один и с большим нетерпением ждал приезда своих учеников и коллег из других городов. По словам В.В. Хлебовича, когда никого долго не было, Ярослав Игоревич становился мрачным, его самочувствие ухудшалось на глазах. Но с приездом любого специалиста Старобогатов мгновенно оживал, его здоровье и настроение улучшались.

Большой поддержкой Ярославу Игоревичу в последний период его жизни была Татьяна Георгиевна. Она все время доставала для супруга какие-то особые и, как правило, дорогие пищевые добавки, следила за его диетой, контролировала прием лекарств. В одной из комнат квартиры прямо на стене Татьяна Георгиевна устроила комнатную оранжерею со специальной подсветкой. Она чрезвычайно гордилась своим сооружением. Она верила, что поднимет мужа. Но в 2003 г. Татьяны Георгиевны неожиданно для всех не стало.

Последней нашей совместной с Ярославом Игоревичем работой стал Определитель моллюсков России. Готовили мы его вместе с Л.А. Прозоровой около 10 лет, проводя таксономические ревизии в различных группах, собирая воедино фаунистические данные, составляя и прорабатывая определи-

тельные таблицы. Вначале Ярослав Игоревич хотел сам подготовить определитель к печати. Ведь это без преувеличения был важнейший итог его научной деятельности. Однако когда болезнь обострилась, стало понятно, что если все оставить, как есть, то работа не будет завершена. Поэтому по договоренности с самим Ярославом Игоревичем и с согласия дирекции ЗИН доработка определителя переместилась в основном в Лабораторию пресноводных сообществ Биолого-почвенного института ДВО РАН, а контакты с Ярославом Игоревичем и редакцией поддерживались за счет электронной почты и регулярных командировок Л.А. Прозоровой. Нам было отпущено что-то около года. За столь короткое время надо было исправить и дополнить в соответствии с новыми сведениями многие определительные таблицы, перерисовать или перевести в тушь более 800 рисунков моллюсков. Поэтому к работе подключились и другие сотрудники малакологической группы нашей лаборатории – Е.М. Саенко, художник Т.А. Ерошенко, инженер М.О. Засыпкина. Мы очень торопились, и конечно не все получилось так, как хотелось бы. Важно другое, мы все-таки успели. Определитель вышел в свет в начале лета 2004 г., и Ярослав Игоревич смог увидеть свою последнюю работу.

В.В. Богатов

О Ярославе Игоревиче Старобогатове

3-го декабря 2004 г. в своей квартире в Санкт-Петербурге после долгой болезни скончался профессор, доктор биологических наук, просто наш учи-

тель Ярослав Игоревич Старобогатов. Но это не некролог с жизнеописанием и перечислением и без того хорошо известных заслуг, а то, о чем хочется

говорить, вспоминая этого, очень значимого для многих человека – многолетнего главу российской школы пресноводной малакологии.

Прежде всего, вспоминается первая встреча. Татьяна Ситникова (Т.С.): «Моя первая встреча с Ярославом Игоревичем произошла в 1975 г. перед Кругобайкальской экспедицией, ежегодным рейсом Научно-исследовательского института Биологии при Иркутском государственном университете,

студенткой которой я являлась в то время. Ярославу Игоревичу нужен был помощник в рейсе, и выбор пал на меня. Эти первые более 30 дней совместной работы на корабле были незабываемы. Во время отбора моллюсков из грунта, поднятого драгой со дна озера, Ярослав Игоревич рассказывал об открытиях в зоологии и малакологии, в частности, о курьезах в жизни знаменитых людей, мы беседовали о музыке, живописи и литературе. Познания Ярослава

Игоревича поражали. Вечерами, когда делать особенно было нечего, корабль стоял у берега, и слабые волны омывали его борта, Ярослав Игоревич читал стихи, что могло длиться часами. Особенно мне запомнились в его исполнении стихи и баллады А.К. Толстого, к которым у Ярослава Игоревича всегда находились остроумные комментарии».

Лариса Прозорова (Л.П.): «Зимой 1983 г. во время зимних каникул на пятом курсе Дальневосточного университета я приехала в Санкт-Петербург, специально чтобы познакомиться с Ярославом Игоревичем, работы которого были тогда для меня своеобразной малакологической библией, поражали научной эрудицией, легкостью и широтой мысли. Выда-

Ярослав Игоревич в рейсе на Байкале со своими иркутскими ученицами: Т.Я. Ситниковой (слева) и З.В.Слугиной (справа). Фото Л.И. Провиз. Байкал, октябрь 1990 г.

ющийся ученый оказался открытым, очень доброжелательным, тактичным и приятным в общении человеком. Душевное тепло сочеталось с лукавым взглядом, отражающим терпимость и самоиронию. С первой же встречи приняв меня в число своих учеников, Ярослав Игоревич курировал мою работу на протяжении всей своей активной научной жизни: при непосредственном общении во время моих командировок в Зоологическом институте, в ходе переписки сначала обычной, а затем и электронной почтой и самое ценное – при работе над совместными статьями».

Ярослав Игоревич по возможности избегал всего официального – постов, званий и должностей. В связи с этим он был неофициальным руководителем у большинства своих учеников. Т.С.:

«Так получилось, что Ярослав Игоревич не получал ни копейки за мое обучение во время аспирантуры, хотя ему приходилось тратить на меня большую часть своего времени на протяжении нескольких лет. Делая гистологические и тотальные препараты, изучая анатомию, морфологию и таксономию байкальских гастропод, я занимала большую часть стола в 26 комнате в Зоологическом институте, при этом Ярославу Игоревичу приходилось работать на небольшой выдвигающейся столешнице, но я никогда не слышала ни одного слова недовольства о неудобстве, доставляемого мной».

Л.П.: «Во время обучения в аспирантуре моим научным руководителем был Ярослав Игоревич, хотя он фигурирует лишь как консультант канди-

Я.И. Старобогатов с Л.А. Прозоровой в кабинете своей квартиры. Фото Л.А. Прозоровой. Санкт-Петербург, декабрь 2000 г.

датской диссертации. Его помощь была ощутима на всех этапах вплоть до подготовки официального отзыва ведущей организации. Вот отрывок из его письма по этому поводу:

«Дорогая Лариса! Вместе с письмом посылаю тебе копию черновика официального отзыва на твою диссертацию. Тут было не просто: моей подписи под отзывом не должно быть, поскольку я числюсь консультантом. Поэтому договорился с Голиковым, что будет стоять его подпись, а текст я изготовлю. Так и получилось. Дальше – день на утверждающую подпись Скарлато и все будет отослано во Владивосток... Теперь о будущих делах: нужно как можно скорее изготовить статью о кладках. Полезно также приготовить небольшую статью о размножении *Luga*, которая вполне пойдет в Зоологический журнал...».

Скромность, нелюбовь к официальному и, как следствие «неумение» общаться с чиновниками, нередко обращалось против Ярослава Игоревича:

«...В Японию я, к сожалению, не еду – бюрократы из иностранного отдела АН закатили мое дело до того, что стало поздно подавать на оформление паспорта, хотя все остальное (в том числе и билеты до Токио) было готово».

А ехать Ярослав Игоревич должен был по приглашению выдающегося японского малаколога – Т. Хабе – наставника тогдашнего японского императора, интересовавшегося малакологией. Советские чиновники не выпускали Я.И. Старобогатова за границу, но по Союзу он ездил очень много. Из писем, адресованных Л. Прозоровой:

1988 г. – «Прости, что долго не писал. Я тут с середины февраля непрерывно в разъездах (Киев, Москва, Борок, Москва и снова Москва) и в Ленинграде был по 3–4 дня между поездками»;

1989 г. – «Свое расписание на конец года я пока точно не знаю, но поездок много. В Киев (2 раза), в Тбилиси, в Москву и на Байкал»;

1990 г. – «Далее: мой график. С 28.07 по 30.09 я в Калининградской области..., но тут подряд 2 командировки в Тарту на конференцию с докладом и в Вильнюс на генеральское сборище – Проблемсовет».

Плотный график поездок соответствовал столь же насыщенному графику исследований. Обычно Ярослав Игоревич работал сразу над несколькими статьями, что соответствовало его разносторонним научным интересам и потребности разнообразия в мыслительной деятельности. Вот, например, выдержка из письма Я.И. Старобогатова Л. Прозоровой о том, что занимало его в конце 1993 г.:

«1) писание программ на гранты, 2) статья по *Cochlicopa*, 3) статья по европейским *Vithyniidae*, 4) статья о наследовании альбинизма у моллюсков, 5) статья о дальневосточных *Euglesidae*, 6) статья о речных раках..., 7) таблица для определения пресноводных моллюсков бывшего СССР, 8) статья по каспийским *Purgulidae*».

И тогда и особенно сейчас мы всегда ощущали, насколько ценным было общение с Ярославом Игоревичем, человеком энциклопедических знаний и при этом необыкновенного терпения.

«Что-что, а эта божья добродетель у меня в достатке», – говаривал Ярослав Игоревич, – «Я как-то истратил 6 часов (это при моем-то опыте) в низовьях Большой речки (Баргузинский заповедник, восточное Прибайкалье) и нашел всего одну пустую раковину *Anisus (Gyraulus) stroemi*».

Бесконечное терпение по отношению к нуждающимся в нем людям позволяло Ярославу Игоревичу не отказывать в помощи никому, кто к

нему приходил. А посетители были каждый день и иногда помногу, и все хотели получить высококвалифицированную консультацию по различным направлениям науки. Часто Ярослав Игоревич доставал при этом книги и статьи, хранящиеся в шкафах; особым спросом пользовалась Британская энциклопедия. Поражало то, что Ярослав Игоревич всегда легко находил ту или иную книгу или оттиск из, казалось бы, беспорядочных огромных залежей. Особенно в этом смысле поражал переходящих монументальный, сохранившийся с позапрошлого века рабочий стол Ярослава Игоревича, на котором возвышалась гора папок, черновиков и всяческой литературы с вкраплениями пробирок и баночек с материалом. Текущая работа производилась на выдвижной столешнице, по ходу которой в нужный момент из казавшихся хаотичными наслоений извлекался необходимый предмет.

Т.С.: «В дни отпуска и командировок Ярослав Игоревич и мы (Татьяна Алексеевна Платонова, Валентина Викторовна Гальцова и я) вывешивали у входа в кабинет табличку «Я.И. Старобогатов отсутствует». Поражало не то количество людей, желающих пообщаться с Ярославом Игоревичем, а раз-

нообразии городов бывшего СССР, из которых они приезжали». Во времена Советского Союза практически в каждом крупном научном отечественном институте или университете работали ученики Ярослава Игоревича, успехам которых он всегда радовался больше, чем своим собственным. Вот, например, еще одна красноречивая выдержка из его письма:

«Милая Лариса! (Не могу Вас назвать иначе, настолько обрадовало и умилило меня письмо и присланный материал!)...

Ярослав Игоревич за своим столом в к. 26 в ЗИН РАН. Фото З.В. Слугиной. Санкт-Петербург, 1999 г.

Но Вы еще раз молодец! Различили 3 вида, которые никто до нас не различал. Ну как тут мне не прийти в восторг!».

Несмотря на широкий круг интересов и большое количество публикуемых работ Ярослав Игоревич уделял внимание не только научной, но и дружеской переписке с коллегами и учениками. Перед каждым Новым годом Ярослав Игоревич отправлял свыше 200 поздравительных открыток, и сам он перед каждым праздником получал целые горы писем и поздравлений. Почта Ярослава Игоревича приходила ежедневно, это были письма, посылки с моллюсками и ракообразными из различных водоемов, присланные для определения, а также книги и оттиски от всех малакологов мира, поэтому все научные новости можно было узнать в кабинете Ярослава Игоревича, не ходя специально в библиотеку. До появления компьютеров и электронной почты Ярослав Игоревич писал много писем, в том числе нам – его ученикам – длинных, содержательных, полных оригинальной научной информацией, ответов на вопросы, советов, идей. Перечитывая сейчас эти письма, нет-нет, да и натолкнешься на забытые ценные

факты, дающие нужное направление мысли. Да и сами письма как будто звучат его голосом, передают старобогатовский образ мысли и своеобразную манеру речи питерского интеллигента начала прошлого века:

«Пишите. Рад слышать, помочь всемерно, и еще более того – видеть». И традиционная подпись – «С сердечным приветом, Я. Старобогатов».

И это не просто вежливая форма. Ярослав Игоревич искренне радовался нашим приездам, предвкушая интересные фаунистические находки из неисследованных мест, новые таксоны, добытые нами сведения по биологии, плотный график работы с коллекцией, очередную таксономическую ревизию какой-либо группы и долгие разговоры на научные темы и не только.

Он был для нас больше, чем учителем – научным отцом, с уходом которого потеряно очень многое. Потеря невосполнима, но с нами то, что было приобретено благодаря Ярославу Игоревичу Старобогатову и сделало нас такими, какие мы есть – его ученицы.

*Л.А. Прозорова, Т.Я. Ситникова,
З.В. Слугина*